

Интервью с регентом прихода Свв. первоверховных апостолов Петра и Павла в Люксембурге с 1975 по 1982г. матушкой Наталией (Жениловой-Свентицкой)

„Моя девичья фамилия пишется Свентицкая. В Люксембурге я жила семь лет – с 1975 по 1982 годы. Это было, пожалуй, самое лучшее время моей жизни!“ Матушка Наталья (на фото справа, рядом Мура Попова, другой регент хора, и Алексей Бондарь, староста).

Матушка Наталия, а как Вы, русский человек, оказались в Люксембурге в 1970-е годы?

Я была представителем Университета Мэриленда, который обучал служащих американской армии, не желавших прерывать свое обучение во время службы за границей. Я ездила на работу в немецкий Битбург, где была база американских войск, а жила в Люксембурге. В Люксембурге мы жили с мамой, которая приехала с мной, потому что хотели жить в русской общине и общаться с русскими.

А в Университет Мэриленда Вас какими судьбами забросило?

Я потомок первой волны эмиграции. Родилась в сербской эмиграции, куда уехали обе мои бабушки со своими отпрысками после революции. Там была большая колония, потому что Сербия была очень расположена к России в благодарность за благодеяния

русского царя маленькому государству. В Сербии им разрешили жить, как в России: там были не только русские и церкви, как и везде, но и кадетские корпуса, и институт благородных девиц, где училась мама, и все было, в общем, как в России. Так выросли мои родители.

Поскольку я родилась уже после войны, в 1946г., в моих документах записано, что я родилась в Югославии. Мои родители работали временно в Хорватии, в Загребе, где я и родилась. С приходом к власти Тито большинство русских бежало, и мы попали в беженский лагерь в Триесте. В лагере для перемещенных были тяжелые условия, но нами, детьми, это не воспринималось так, как взрослыми. Бед не чувствовалось, потому что все были в таком положении. В 1952 г. нам удалось покинуть лагерь и попасть в Америку. Мне было тогда 5 лет.

Матушка Наталья на фото в центре в первом ряду за иконой Курской коренной Божьей матери.

Почему выбор пал на США? Ведь многие уезжали в Латинскую Америку, из Люксембурга еще в 1930-х гг. была эмиграция русских в Парагвай...

Когда еще до лагеря жили в Белграде, меня водили в детский сад, была какая-то более или менее нормальная жизнь. В лагере мы прожили 14 месяцев, откуда все старались переехать в Америку, Канаду, а после закрытия квоты— и в Южную Америку. Про довоенный Парагвай мне ничего неизвестно. Знаю, что после войны многие попали в Чили. Это был послевоенный поток из СССР. Большинство хотело в Америку, но оказалось в Бразилии. Например, родители мужа, которых немцы пригнали во время

войны в Европу т.н. оstarбайтерами, принудительными рабочими, тоже переехали в Южную Америку, в Аргентину и Чили, где были большие русские общины.

Как Ваша семья встретила войну? Многие в эмиграции ведь ждали падение советского режима любой ценой.

Женщины в нашей семье во время войны не работали, а вот отец и дядя поступили в военизированное образование *Шутцкорр*, состоявшее из потомков русских, наподобие Русской освободительной армии Власова. Однако во время войны между немцами и русскими эмигрантскими формированиями назрел конфликт, отца и дядю немцы посадили в тюрьму, и мама ходила их выручать. Каким-то чудодейственным образом она действительно смогла их выволить. Однако наша семья распалась. Родители развелись, отец снова женился, и он, вместе с моим дядей и их матерью, попали в Чили. Мы же с мамой в 1952 прибыли в Нью-Йорк.

Как складывалась Ваша жизнь в Америке?

Мама устроилась на работу, как и многие русские женщины, в Американ Экспресс. Она работала в отделе с другими русскими, поэтому никогда английского языка так и не выучила. Они должны были проверять какие-то аннулированные чеки, только цифры, язык не требовался. Дома мы говорили по-русски и по-сербски. Я пошла в школу, в школе говорили только по-английски, и сербский я постепенно забыла.

Наталья Свентицкая – первая справа. Четвертая слева – матушка Эмилия (Пух).

Была ли у Вас возможность получения русского образования?

По Божьей милости мы попали в изумительную русскую общину. Русских тогда было очень много, город большой, мы жили в Бруклине, впоследствии он был «оккупирован» третьей волной. У нас вся жизнь общины вращалась вокруг церкви. Церковь была домовая. Священник собрал вокруг себя старую Россию и субботнюю школу, в которой я получила все русское обучение. Все было устроено на высоте. Там были не только начальные классы, но и старшие, где читали литературу, историю, богословские предметы: апологетику, догматику и т.д. Они не только обучали, они воспитывали. Получилось, что Господь послал мне счастье получить старорусское воспитание.

А что вас привело к музыке?

Были учителя музыки. С детства мне нравился рояль, и мама нашла русскую учительницу музыки. С восьми лет я пела в церковном хоре и таким образом выучила службу и церковнославянский. В шестнадцать лет я начала учиться руководить хором. Нам повезло, что Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле и его насельники, владыка Аверкий (Таушев), богослов, и монахи, приезжали со своими медицинскими нуждами к одному доктору, который лечил бесплатно, и я все время им переводила, поскольку монахи не говорили по-английски, а доктор не знал русского. По вечерам они ночевали у нашей регентши, мы слушали их духовные беседы и наставления, что и было для нас духовным обучением. Владыка Аверкий был златоуст, написал много трудов. В общем получилось с ним тесное знакомство.

Отец Сергей (Пух), отец Чедомир (Остоич), Наталья Свентицкая.

Это действительно большое счастье, иметь таких духовных наставников...

Да, вы знаете, у меня с 14 лет была возможность ездить в Джорданвилльский монастырь, где я познакомилась с семинарскими профессорами, людьми из старой России. Например, с профессором Иван Михайловичем Андреевым (1894—1976). Он прошел в России Гулаг, остался, однако, человеком изумительным, потому что был, как и многие, многогранным. Иван Михайлович был учителем апологетики, знал русскую литературу и написал много трудов, знал медицину, психологию, был музыкантом. Мне повезло, что я их знала и приобщалась к ним.

А помните момент, когда сами стали регентом?

Я училась музыке на практике. Там, где я жила, мне посчастливилось часто руководить хором. В Нью Йорке я заменяла больную регентшу. Потом мы переехали в город Вашингтон. Мама устроилась на работу в типографию редактором. Они издавали книги на разных языках, мама редактировала сербский. Я училась в университете Мэриленда, на факультете английского языка и литературы. Потом училась французскому, греческому, испанскому. В 1971 г. я устроилась на работу администратора заочного обучения, которая включала возможность поездок за границу туда, где были американские военные базы. Первая поездка была в Эфиопию в 1972 на три года. Первые два года были прекрасные, было интересно жить, а в третий год случилась революция. Своими глазами я увидела в миниатюре, как происходила русская революция. Это было интересно и страшно. Эфиопия дружила еще с царской Россией, поэтому и в советское время там было большое русскоязычное присутствие.

Крестный ход 1982г. Наталья Свентицкая – вторая справа.

А в Люксембург когда Вас перевели?

В 1975 году. И это получилось так своевременно! Меня еще в 1972 хотели туда отправить, но тогда еще ничего не было. Раз или два в месяц приезжал священник из Бельгии служить— вот и вся церковная жизнь. А в 1975 году приехал за год до меня и начал устраивать церковную жизнь отец Сергей (Пух) (1926–2016). Так что я как раз очень вовремя попала и мне посчастливилось с ним тесно сотрудничать. В Люксембурге я жила семь лет и служила в новой, открывшейся в 1982 г. церкви целый год! Сначала пять лет служили в двух церквях по очереди, потом год временная церковь была, а потом и в открывшейся.

Наша церковь связана с Джорданвиллем, получается, не только через иконописца о. Киприяна, но и через Вас.

Ну конечно! В Джорданвилльском монастыре я всех знала, потому и поддержала решение о. Сергия позвать для росписи о. Киприяна (Пыжова). О. Сергей думал, кого позвать расписывать, я сказала: надо о. Киприяна позвать, он любит путешествовать, будет рад. Так и вышло. Он приехал, и о. Сергей устроил его на временное жилье. При этом сам иконостас, т.е. иконы, были написаны о. Федором (Юревичем), лучшим учеником о. Киприяна. Я и познакомилась с ним через о. Киприяна, когда заказывала у него очередную икону, когда жила в Америке. Тогда о. Киприян и сосватал мне о. Федора.

Наша община праздновала в 2019 году 90-летие, поминали многих ее заметных прихожан и устроителей, не забыли и Вас.

Мне сейчас трудно передвигаться, артрит одолел, передвигаюсь на костылях. Я приезжала несколько раз с семьей, один раз о. Сергей пригласил всю нашу семью с супругом где-то в 2000, а второй раз в 2009г. Там были замечательные личности, староста Алексей Бондарь, Федор Кузьмич Галыкин. Он был прекрасный певчий, очень поддерживал и хор, и церковь. Галыкины оба пели, Николай Кагельмахер писал картины, с ним мы хорошо дружили. Он, кстати, написал декорации, когда в 1978 г. все русские общины праздновали 50-летие. Нам хотелось выступить, мы же славяне – бросили все силы. Дали небольшой концерт, к которому он написал декорации на русские темы.

Как в нашей общине во времена холодной войны уживались и те, чьи семьи уехали из России после революции, и те, кто остался в Европе после Второй мировой войны?

Мы шутили, что, где двое русских, там три политических партии! Раньше разделение было политическое, были советские эмигранты и русские – вот так мы это ощущали. Я это ощущала, когда сталкивалась с русскими третьей, диссидентской, волны: вроде и язык один, а вот подходы другие. Что-то ощущалось чуждое, какая-то большая разница. Это даже интуитивно чувствовалось, что у нас мало общего. При этом и первая, и вторая, послевоенная, волна, были антисоветскими. Вторая волна хоть и выросла в советское время, но разница заметна была лишь поначалу, а потом люди слились. Но в общем, скажу Вам, люди разные были, но все были дружны.

Если сравнивать русскую жизнь в Люксембурге и в Америке в 1970-1980-ые годы, что Вам прежде всего приходит на ум?

Вы знаете, везде тогда было много людей из разных мест, поэтому чужими мы себя не чувствовали. Мы просто вливались в новую жизнь, состоящую из эмигрантов из разных стран. Я не заметила большой разницы между люксембуржцами и американцами. Однако в Америке все были эмигранты, и русские могли вырасти русскими, не имея никаких проблем с обществом и со своим происхождением. В Люксембурге я заметила, что даже православная вера не была официально признана. Только благодаря о. Сергию стала таковой считаться. В Америке мы жили более по-русски, чем в России. Наши предки уезжали с ощущением, что они скоро вернуться, поэтому не боялись уезжать. Боялись утратить язык, культуру и веру. Их и берегли.

*Интервью: Инна Гэншоу
Ч/б фотографии – Жан Вайрих,
Цветная фотография – Миленко Йович.
Ноябрь 2019г.*